

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/3472512>

Сейчас или никогда

Направленность: Джен

Автор: [evvio](https://ficbook.net/authors/1322386) (<https://ficbook.net/authors/1322386>)

Фэндом: Бесконечное лето

Рейтинг: G

Жанры:

Размер: Драббл, 4 страницы

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Двое на набережной, что не смотрят друг на друга.

Посвящение:

По окончании чтения станет ясно, кому и посвящение и благодарность.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Небольшая зарисовка в качестве пробы пера: одно место и одно действие. А больше и не надо.

P.S. Наверняка вторично до неприличия и содержит ряд возмутительных ошибок.

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

— Как прошёл день? — не помню, сколько раз она задавала мне этот вопрос, но в голосе неизменно ощущается искреннее тепло и доброжелательность. Удивительно, но ей действительно интересно, что случилось со мной за эти скучные сутки.

— Какие-то идиоты расковыряли картоприёмник на терминале у вокзала, пришлось мотаться на другой конец города и заменять, — достаю растрепанную пачку сигарет, там осталось всего две. Каждый день мне встречается несколько любителей халявы, жалобно просящих закурить и «ещё одну, другу». Так и не научился им отказывать, хотя примерный подсчет расходов на такую благотворительность недавно заставил меня ужаснуться.

Ну ничего, двух сигарет мне хватит на сегодня, а завтра попробую сам превратиться в попрошайку. Надо же когда-то начинать с чистого листа.

Не смотрю на неё, но знаю, что она улыбается. Сегодня особенно сложно заставить себя повернуться в её сторону и проявить встречную вежливость.

— Что-то случилось? — мы оба знаем, что это уже не о моей поездке. Такой типичный внезапный женский вопрос, метко бьющий прямо в больное место. Такой простой и такой сложный, ведь на него невозможно ответить правильно. Особенно в нашем случае. — Ветер усиливается, тебе нужно теплее одеваться. Мы ведь не хотим, чтобы ты простудился, правда? — помолчав минуту, как ни в чем не бывало, продолжает она.

Боковым зрением вижу, как носки её старомодных ботинок качаются над самой землёй. Сколько лет прошло, а она так и не избавилась от забавной привычки болтать ногами, сидя на «нашем месте» — незаметном участке набережной, где можно было полюбоваться вечно неспящим городом, не привлекая лишнего внимания. Нам чертовски нравилось проводить здесь свободное время: неподалеку располагался аэропорт, и летними вечерами, когда дневной зной спадал и разгорячённая речная влага переставала давить на лёгкие, мигающие маячки взлетающих и приземляющихся самолётов расчерчивали стремительно темнеющее небо. Усталое солнце пряталось за горизонт и улицы города погружались в уютный сумрак, а вместе с ними окрашивалась в призрачные оттенки неспешная водная гладь.

Ей всегда нравилось наблюдать и за трамваями. По противоположному берегу проходила трамвайная линия и, едва пограничное время между днем и ночью вступало в свои права, неповоротливые пузатые механические гусеницы сбавляли темп, включали уютное внутреннее освещение и начинали показывать нам свои неторопливые диафильмы.

Вот мимо проезжает влюблённая пара — наверняка студенты; у него в руках всего одна алая роза, недорогая, совсем-совсем обычная, но глаза напротив наполнены настоящим искренним чувством, для которого всё это вовсе не важно. Весь мир замер, и все звёзды в недосыгаемой выси сейчас светят для них двоих. И мы тактично уступаем им место под этими звёздами.

А вот из окна на нас смотрит милая девочка лет пяти или шести — она так смешно

прижалась носом к стеклу, что он стал похож на пяточок или большую пуговицу; малышка обнимает щенка, а сзади на них рассеянно смотрит пожилая женщина, наверняка бабушка. На её лице печать серьёзной болезни, но сейчас она улыбается и даже хворь ненадолго отступила — внучка безгранично рада живому подарку и даже щенок, кажется, ужасно доволен, хоть и не может пошевелиться — столь крепки объятья детских рук.

Вот неуклюжий всклокоченный кот забирается на заднюю площадку, хромая на одну лапу; но его не выпроваживают из трамвая, ему рады, его гладят и один седой как лунь старик даже чем-то угощает бедолагу. Сегодня четвероногое не будет чужим в этом маленьком неспешном храме уюта, который прямо сейчас отправляется в направлении депо, стуча колесами на стыках рельс и громыхая покосившимися токоприемниками.

Она обожает смотреть на эти картинки из чьей-то жизни, что показывают нам проезжающие мимо трамваи.

А я обожаю её.

И это всё усложняет.

— Ты опять слишком сильно задумался, — она смеётся и неловко кидает в воду камешек. — Я прямо вижу, как у тебя в голове закипают мысли. Давай, подую в ухо, а то ведь и правда расплавишься!

И почему именно сегодня? Делаю ещё одну глубокую затяжку.

Крепкие сигареты, именно то, что сейчас нужно.

— Ну и ладно, молчун, — сейчас она наверняка обиженно надула губы, но уже в следующее мгновение снова начнет улыбаться. — А я сегодня наконец-то сумела погладить тех диких уток, что улетели из зоопарка. Долго же они ко мне привыкали! Надо будет чаще кормить их чем-нибудь вкусным, только я так и не поняла, что же им нравится больше всего.

— Я обязательно выясню. Посмотрю в сети, — отвечаю, по-прежнему не поворачиваясь. Сигарета почти скурена до фильтра, главные слова придется сказать уже совсем скоро. Меня начинает бить мелкая противная дрожь и пепел тут же разлетается — сегодня и правда не на шутку ветрено. Алый горизонт затянуло рваными облаками, а солнце будто решило раньше срока превратиться в красный гигант.

Чертовски вовремя.

— Ты же весь вечер хочешь мне что-то сказать, верно? Только никак не решишься, — она подсаживается ко мне поближе. Да уж, в прозорливости ей не откажешь, так было всегда.

Не по годам пронцательная и умная. Намного умнее меня, что уж скрывать.

Солнце почти скрылось и ветер начал злобно кусать мои руки и щеки.

Но ей точно не холодно.

— Послушай, — я не знаю, с чего начать. Но мудрые люди утверждают, что начинать надо с главного. Так и поступим. — Я все-таки собрался с духом и записался на приём к тому врачу. Я говорил тебе про него.

Рваные темные облака прочертил одинокий маячок.

— Я помню, — она вмиг посерьёзнела. — Не сказать, чтобы я была удивлена... Но мне казалось, в этом докторе не было острой необходимости.

— Раньше не было! — я всё-таки срываюсь на крик. — Я не могу больше делать вид, что всё в порядке!

Сигарета дотлела до фильтра и обожгла мне пальцы.

Пора её выбросить.

И сигарету тоже.

— Ты ведь разбилась тогда. Самолёт всё-таки рухнул, — мелкая дрожь превратилась в крупную, меня начало трясти по-настоящему.

— Посмотри на меня, — её голос полон усталости, но по-прежнему нежен и спокоен.

Я наконец поворачиваюсь.

Она всё та же.

Ни капельки не изменилась.

Фильтр вырвало из пальцев сильным порывом ветра, закрутило и унесло в неизвестном направлении. Скоро начнется ураган.

— Что тебе сказал врач?

— Что мне нужно расстаться с навязчивой иллюзией, — термины из диагноза я точно не вспомню, но стараюсь повторить самое главное. — Я на грани помешательства. Врачи зафиксировали необратимые изменения в психике и повреждения коры головного мозга. Я не знаю подробностей, знаю только одно — выздоровление теперь только в моих силах. Я должен сказать своей иллюзии в лицо, что её больше нет.

И отпустить.

...Кажется, я плачу.

Или это начался дождь?

Не зря же погода так сильно испортилась. Ветер наверняка пригнал откуда-то целую вереницу переполненных туч и одна из них прохудилась прямо над нашими головами.

Да, это точно дождь. Я не могу плакать, я же мужчина.

Взрослый мужик с одной сигаретой против всего мира.

И передо мной погибшая много лет назад девочка, которую я так и не смог отпустить.

Девочка, что обожает заглядывать в окна уютных трамваев, беззаботно болтать ногами на набережной... и провожать взглядом самолёты, что не падают. Такая вот горькая ирония.

И она — единственная, кому есть дело до того, продувает ли меня ветром, ведь уже почти октябрь, а я до сих пор в летней куртке.

И на другой чаше весов — моя жизнь. Наверное. Неприятно думать, что от моего решения здесь и сейчас может зависеть, поедет ли у меня крыша и я упаду как подкошенный, пораженный инсультом, и меня обнаружат через несколько часов — место здесь укромное, а взбунтовавшийся ветер на паузу не поставит.

...Теплый дождь? В последние дни сентября? Нет, всё гораздо проще — всего лишь кровь из носа. Кажется, я скоро кончусь, но всё ещё никак не решусь твердо произнести главные слова, которые, по мнению врача, должны стать поворотной точкой.

— Ну чего ты, глупый? — ласково улыбается она и вытирает алые следы с моего лица уголком своего синего пионерского галстука. — Нельзя так нервничать, ты должен себя беречь. Тебе срочно нужно домой, ты промок и наверняка простудишься, — она целует меня в щетинистую щеку и звонко смеется. — Смотри как зарос. Отправляйся-ка сушить одежду и пить чай с малиной. А завтра, если не заболеешь, приходи опять. Будем кормить диких уток.

Сейчас или никогда.

Она поправляет мой воротник, ласково взъерошивает волосы, целует в макушку. Пушистый хвост с синим отливом на секунду касается моей щеки, я чувствую легкий запах мяты и нотки карамели, а потом — ничего.

Негнушными пальцами достаю из пачки последнюю сигарету. Она слегка подмокла, но я ещё смогу её раскурить и хоть немного согреться.

Вдалеке снова слышится мерный стук колёс.

Не забыть бы выяснить, что же любят эти чёртовы утки.